

УДК 821.123.1.09

ПРАВОСУДИЕ – ВЕРНЫЙ СЛУГА ЦИВИЛИЗАЦИИ (В ТВОРЧЕСТВЕ А. ФРАНСА)

Чичиашвили Э.

У статті розглядаються проблеми правосуддя у творчості А. Франса та художні засоби їх розкриття.

Ключові слова: реалізм, громадське життя, демократизація суспільства, правосуддя, цивілізація, сатиричні прийоми.

В статье рассматриваются проблемы правосудия в творчестве А. Франса и художественные средства их раскрытия.

Ключевые слова: реализм, гражданская жизнь, демократизация общества, правосудие, цивилизация, сатирические приемы.

This article deals with problems of justice in the works of A. France and with artistic devices of their unfolding.

Key words: realism, social life, democratization of the society, justice, civilization, satiric devices.

Гастон Буачидзе в предисловии к "Французским рассказам" особое внимание уделяет "Кренкебилю", а об его авторе пишет следующее: "Кренкедиль" есть проявление тех гуманных традиций французской культуры, которые вынудили Вольтера вмешаться в дела Каласа Гюго – взять на себя защиту Жана Вальжана перед обществом, а Эмиль Золя – пожертвовать спокойствием, временем и писательским именем для защиты невинного осуждённого Дрейфуса" (2, XIX).

С сарказмом и возмущением рассуждает Франс о законодательстве и правосудии Франции. Особенно его гнев вызывало правосудие. Писатель считал, что "правосудие – верный слуга цивилизации" [6, с. 55] не уничтожает беззаконие, а умножает его. "Закон не может быть хорошим, ибо он всегда отстаёт от идеала добродетели" [4, с. 213]. Развивать и улучшать его невозможно. Юристы лишь усложнили его и сделали более бюрократическим, но главное его свойство – жестокость всё же сохранили. "Правосудие ценится именно своей жестокостью и этим вызывает чувство робости" [4, с. 213]. Судебная система с самого начала построена на порочной основе. Санкционируется лишь физическое наказание того, кого хотя бы наказать. А цель законодательства и юридических процедур в том, чтобы ещё более запутать правду. Поэтому абсурдно верить в то, будто суд может быть эффективным. Право всегда на стороне сильных, и в суде дело выигрывает тот, у кого много денег и влияния, кого поддерживает правительство.

Критическое отношение к правосудию Франс выражает в одной из своих лучших повестей "Кренкебиль" устами гравёра-оформиста Жана Лермита. "С высоты своего огромного престижа Франс здесь со спокойной смелостью выражает недовольство правосудием, которое жестоко по отношению к малым и верно старым принципам правительства" [5, с. 61]. Рассказ состоит из двух независимых частей, но они дополняют друг друга по смыслу. Одну часть составляют злоключения самого Кренкебиля, а вторую – суждения Жана Лермита о правосудии и судье Бурише. По его мнению, история преступления не может быть до конца убедительной. В качестве иллюстрации он приводит случай с английским историком Уолтером Роллем. Находясь в Тауэре, Роллей уже писал второй том, "Всемирной историей", когда во дворе тюрьмы произошла драка. Он выглянул из окна и, убедившись, что всё хорошо увидел и разобрался в ситуации, вновь принялся за работу. На другой день, поделившись впечатлениями с другим, который сам был свидетелем и участником этой драки, учёный был ошеломлён тем фактом, что их рассказы почти ни в чём не совпали друг с другом. Это несоответствие заставило задуматься Роллея, убедило его в том,

насколько трудно правильно установить истинное развитие того или иного явления. Если человек ошибается даже в том, что видел собственными глазами, что же можно говорить о других событиях. Сделав такой вывод, учёный дошёл до того, что предал огню рукопись своего труда. Этим Франс хотел сказать, что правосудие не может точно установить происшедший факт и представить правильную картину развития явления. Однако всё это не мешает писателю показать психологию судьи и его жизненную позицию. Судья сам признаёт, что правосудие – это социальное явление, защищающее интересы привилегированного класса, однако его мысли Жан Лермит выражает следующим образом: "Я осудил этого человека согласно показаниям полицейского № 64, поскольку полицейский № 64 есть эманация государственной силы... Если бы я судил против силы, мой приговор не был бы приведён в исполнение... Я пошёл бы против самого себя, укажи я полицейскому, что он не прав. К тому же против этого и сам дух закона. Обезоруживать сильных и предоставлять оружие слабым – значило бы изменять социальный порядок, который я обязан охранять. Закон – это санкция установившего беззакония. Кто и когда видел, чтобы правосудие противостояло завоевателям и узурпаторам? Утвердится какая-либо незаконная власть – и служителям закона только и остаётся, что признать её законной. Главное – это форма, а преступление и невинность разделены между собой только толщиной листа гербовой бумаги" [1, с. 164–165].

По мнению Франса, несправедливость и беззаконие будут уничтожены только тогда, когда граждане получают истинное нравственное воспитание и основой будущего общества станет не страх перед наказанием, а чувство ответственности перед обществом. Правда, Франс не надеется, что такое общество скоро образуется в мире, но не сомневается и в том, что оно всё же когда-нибудь будет создано.

Вторая часть "Кренкебиля", где говорится о злоключениях главного героя произведения и о его жизни, проведённой в бедности, не менее впечатляющая и социологическая. Франс видит многие пороки французского буржуазно-республиканского строя. Об этом уже говорилось выше. Однако больше всего писателя возмущает всё же социальное неравенство и репрессивный характер государственного аппарата. Он считает, что развитию общества препятствуют невежество, глупость, апатия низших слоёв, а в том, что они таковы, виноваты узкий эгоизм, деспотизм и антигуманность привилегированных слоёв общества. Именно это показал Франс в повести "Кренкебель".

Старый зеленщик – безграмотный, безгласный, бесприютный, не имеющий семьи и имущества, вовсе не ожидал того, что с ним приключилось и благодаря чему однообразная жизнь, проведённая в поисках куска хлеба, полностью преобразовалась. В первый раз в жизни зеленщик не подчинился приказу представителя правительства – полицейского № 64 – продолжал путь. У него был и повод для этого: владелица обувного магазина должна была вывести ему плату за зелень. Но раз подчинился приказу полицейского и не сдвинул с места свою тележку, вызвав этим остановку движения на улице, полицейский обвинил его в оскорблении представителя власти, приписал Кренкебилю свои же слова "Смерть коровам!", составил протокол и арестовал его. Кренкебель настолько неразвит и невежественен, что не может рассказать на суде, что с ним приключилось. Он не может осмыслить даже того, что его несправедливо наказывают. Внешний блеск судопроизводства, огромный зал, распятие и все атрибуты, сопровождающие судебный процесс, так ущемили его, таким маленьким показался он себе по сравнению со всем этим великолепием, что в конце концов сам стал сомневаться в своей невинности.

Правда, Кренкебиля обвинили в незначительном преступлении, и приговор тоже вынесли незначительный, но наказание и арест в корне изменили его жизнь. Прежде всего, что-то настолько изменилось в его психике, что он уже не может быть прежним Кренкебилем. Протест, возникший в его душе, не угасает. Причина в том, что несмотря на невежество, где-то в глубине души он всё же чувствует, что был неправильно осуждён, что правосудие на стороне сильных, а не угнетённых и впервые возникший в его душе протест возвышает его в собственных глазах. Более тяжёлые последствия для Кренкебиля после-

довали за вторым изменением, последовавшим за его арестом: мещанское окружение отвергло его, мещанское общественное мнение сочло человека, вышедшего из тюрьмы, аморальным. У него уже никто ничего не покупает, даже проститутки. Это ещё более усилило его протест против существующего общественного строя, против того окружения, которое обрекло его на смерть от голода. Он и в самом деле обозлился, превратился в пьяницу и пропойцу. Оставшись без крова и без куска хлеба, старик вспоминает дни, когда он сидел в тюрьме, имел еду и постель, и решает вновь оскорбить представителя власти, вновь совершить притупление, крикнуть перед полицейским "Смерть коровам!" и снова попасть в тюрьму. Однако и эта попытка не удаётся. Полицейский, которому он крикнул "Смерть коровам!" оказался умней, чем № 64. Ему и в голову не пришло арестовать из-за этих слов Кренкебиля.

"Потрясающая история, но малоубедительная, – пишет В. Жиро, – хотя рассказана она прекрасно. Все детали способствуют утверждению мысли, что человеческое общество плохо устроено, что бессмысленность и фарисейство создаёт его крепкую основу, что оно полностью призвано угнетать слабых, что судебные ошибки являются правилом, а не исключением, что они обусловлены осуществовавшим социальным аппаратом и что, одним словом, "Да здравствует анархия!" [7, с. 193].

Правда, по мнению В. Жиро, "Кренкебиль" – это "Кандид" Анатоля Франса и является маленьким шедевром в этом жанре" [7, с. 193], но во всём вышеизложенном ясно чувствуется его насмешка и горькая ирония по отношению к автору. Совершенно иначе оценивает это произведение румынский исследователь Михай Раля: "В "Кренкебиле", этом шедевре художественного мастерства, разоблачаются фальшивые и нелепые основы буржуазного правосудия. "Кренкебиль" – произведение, способное выдержать самую недоброжелательную критику. Повесть эта проникнута глубоким сочувствием и бесконечной симпатией к простым людям, ко всем угнетённым; она помогает нам понять смысл недостатков и нелепостей современного общества" [3, с. 435].

Кренкебиль, как социальный тип, носит общий характер и обобщение его конкретной жизни рисует картину той общественной жизни, которая характерна для предместий столицы Франции, тех людей, которым приходится всё жизнь жить в бедности и грязи. Такую картину, безжалостное попираительство людей Франс, по-видимому, видел не раз и поэтому всем своим сознанием, всей писательской силой он стоит на стороне низших, угнетённых слоёв. Описав жизнь Кренкебиля, автор ясно показал всему французскому народу, в каких условиях приходилось жить их угнетённым предкам, как строг был закон по отношению к ним, как слепа, бессердечна и несправедлива мещанская мораль, как некомпетентно мещанское общественное мнение, как толкает существующий общественный строй маленьких людей к полному падению и обнищанию.

Литература

1. Франс А. Кренкебиль, Пютуа, Рике и много других полезных рассказов. На белом камне / А. Франс. – М. : Худож. лит., 1958. Т. 5. – 1958.
2. Буачидзе Г. С. Четыре течения французской прозы. Французские рассказы / Г. С. Буачидзе ; пер. И. Кавжарадзе. – Тбилиси : Литература да хеловнеба, 1964. – На груз. яз.
3. Раля М. Два облика Франции / М. Раля. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1972.
4. France A. Opinions sociales I-II. – P. Librairie Georges Bellais, 1902–1903.
5. Carias L. Anatole France / L. Carias. – P. Les éditions Rieder, 1931.
6. Evelpidi G. Anatole France Critique Sociale / G. Evelpidi. – P., Albert Messein, 1932.
7. Girard V. Anatole France / V. Girard. – P., Desclée de Brower Cie, 1935.
8. Kémeri S. Promenades d'Anatole France Preface de P. / S. Kémeri – L. Cauchous. P., Calemann-Lévy, 1927.